

глухих подростков ($U = 217,5$ при $p \leq 0,01$); автономия более выражена у подростков без нарушения слуха, чем у глухих подростков ($U = 77,5$ при $p \leq 0,01$); управление социальным окружением и средой более выражены у подростков без нарушения слуха, чем у глухих подростков ($U = 249,5$ при $p \leq 0,01$); личностный рост более выражен у подростков без нарушения слуха, чем у глухих подростков ($U = 212$ при $p \leq 0,01$); цели в жизни более выражены у подростков без нарушения слуха, чем у глухих подростков ($U = 192$ при $p \leq 0,01$); самопринятие более выражено у подростков без нарушения слуха, чем у глухих подростков ($U = 91,5$ при $p \leq 0,01$); психологическое благополучие более выражено у подростков без нарушения слуха, чем у глухих подростков ($U = 142$ при $p \leq 0,01$).

Обобщая результаты проведенного эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы: для глухих подростков характерны негативно окрашенные отношения с другими, низкая автономия, отсутствие навыков управления средой, отсутствие личностного роста и цели в жизни, низкий уровень самопринятия.

Литература

- 1 Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон // М : Политиздат, 1984. – 335 с.
- 2 Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – СПб: Питер, 2000. – 656 с.
- 3 Божович, Л. И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фелынтайна. 3-е изд./ Л. И. Божович // М. : Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 352 с.
- 7 Налчаджян, А. А. Я-концепция / Психология самосознания : хрестоматия / А. А. Налчаджян // Самара : Издательский дом «БАХРАМ-М», 2000. – С. 270–332.
- 8 Выготский, Л. С. Развитие личности и мировоззрение ребёнка // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырей. М., 1982. – 288 с.
- 9 Лихошва, В. П. Исследование самодостаточности личности при парциальной недостаточности функции слуха в подростковом и юношеском возрасте / В. П. Лихошва // Прикладная психология и психоанализ. – М., 2006. – № 4. – С. 173–175.

УДК 903.26:27(476.2)

И. В. Борисенко

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЕСЬЯ

Статья посвящена рассмотрению некоторых археологических памятников, свидетельствующих о распространении христианства на Полесье в X–XIII вв. Опираясь на археологические источники, рассматриваются памятники церковного каменного зодчества, памятники сфрагистики, а также предметы христианского культа (крестики, иконки и др.).

Территория современного Полесья в X–XIII вв. была исторической составляющей Древней Руси. Южная Беларусь с городами Туров, Пинск, Давыд-Городок, Берестье и др. входила в состав Туровской земли, Юго-Восточная – с Гомелем, Чечерском, Рогачевом, Речицей – в состав Черниговской земли.

О распространении христианства на землях Полесья свидетельствуют археологические данные. В первую очередь, к ним относятся памятники каменного зодчества. Каменные храмы строились начиная с XI в. во многих регионах Руси. Плинфа – типичный для древнерусского монументального церковного строительства XI–XIII вв. мате-

риал. Она представляет собой тонкий обожженный кирпич. Большинство церквей и монастырей на Руси построено из этого материала.

Свидетельством наличия памятника древнерусской архитектуры в Турове являлись постоянные находки древних кирпичей, а также строительного раствора. Расположение монументального сооружения было определено в 1961 г. в шурфе, заложенном М. Д. Полубояриновой и П. А. Раппопортом [1]. В 1962 г. московской экспедицией под руководством М. К. Каргера были проведены раскопки, в результате которых был обнаружен хорошо сохранившийся северо-западный столб храма. В августе-сентябре 1963 г. руины средневекового храма были раскрыты полностью [2]. В результате исследованиями экспедиции М. К. Каргера в Турове были обнаружены остатки трехнефного трехапсидного кирпичного собора XII в. Эти раскопки были продолжены П. Ф. Лысенко в 1990-х годах [3].

Стены храма сохранились на высоту 30–50 см, однако в некоторых местах их высота достигает 2 м. Фундамент Туровского храма выполнен из валунного камня, положенного «насухо» в строительные рвы глубиной до 1,2 м. Стены сложены из кирпича-плинфы (византийской традиции, размером 25 x 18 x 4,5 см) на растворе извести с обильной примесью кирпичной или керамической крошки (цемянка) в технике равнослойной кладки. Это сближает ее с кирпичными постройками киевского, черниговского, волынского и смоленского зодчества середины и второй половины XII в. [4, с. 205].

Раскопками храма были выявлены следы майоликовых плиток, покрывавших пол. Одной из особенностей сооружения является отсутствие фресок. Следующей чертой храма, определяющей его специфику, является круглая лестничная башня.

Время возведения храма вызывает споры исследователей. Однако все ученые сходятся на том, что он был заложен в XII в. На это указывает техника строительства данного сооружения. Строительство храма было задумано в 1162 г. князем Юрием Ярославовичем и епископом Кириллом Туровским [5, с. 355].

В середине XIII в. здание было разрушено. В настоящее время большинство исследователей считает, что всему виной было землетрясение.

Каменные храмы были построены и в других регионах Полесья (есть письменные известия о церкви Св. Петра в Бресте и первоначальном Лещинском монастыре в Пинске).

Гомель (летописный Гомий) – древнерусский город на юго-востоке Беларуси. Впервые он упоминается как город Черниговского княжества под 1142 г. Старейшая гомельская церковь называлась Никольской (Николаевской). Собор располагался на детинце. Был построен во второй половине XI в. при князе Святославе Ярославиче (в крещении – Николае). Источники показывают расположение храма на средневековом замчище, т. е. бывшем детинце города. Более точное его местонахождение неизвестно. Строения Никольской церкви существовали до начала XIX в. и были разобраны в связи с возведением дворца Румянцевых. Здесь найдена плинфа, указывающая на древнерусское монументальное строительство. Плинфа обнаружена и при раскопках в северной части Гомия, на его околоградь – там, где сейчас находится усадьба Петропавловского собора, возведенного в первой половине XIX в. Письменные источники (ранние восходят к XVI в.) упоминают здесь церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Она показана на плане Гомеля 1799 г. [6]. Возможно, этой деревянной церкви также предшествовал храм, возведенный в XII в.

Следующую группу памятников церковной археологии составляют предметы христианского культа. На территории Гомеля были обнаружены несколько крестов. Все предметы изготовлены из бронзы способом литья. Датируются XI–XIII вв. Среди находок представлены тельники, крестовидные подвески и др.

В 1986 г. на околоградь летописного Гомеля О. А. Макушниковым найдена створка энколпиона с плохо сохранившимся гравированным изображением Христа или Богоматери [7]. Подобный складень открыт В. В. Богомольниковым в мужском погребении кургана могильника Курганье в Жлобинский районе Гомельской области. Еще один бронзовый складень найден О. А. Макушниковым на древнерусском селище у д.

Новоселки Ветковского района. Э. М. Загорульским в Вищине Рогачевского района найдено 8 металлических тельников XII – начала XIII вв. [8].

При раскопках археологи обнаруживают многочисленные иконки. П. Ф. Лысенко в Турове были обнаружены четыре небольшие свинцовые овальные иконки-вставки, вероятно, служившие украшением какого-то предмета религиозного культа. Они изготовлены методом литья с последующей чеканкой. Крупными штрихами искусно переданы черты лица, одежды и другие детали поясных изображений фигур. Находки, вероятнее всего, использовались для украшения напрестольного креста, который располагался в алтаре храма.

В Речицком краеведческом музее хранится круглая бронзовая иконка, случайно найденная или в самом городе, или в его окрестностях. На ее поверхности изображен Св. Феодор. Г.В. Штыхов датировал этот образок XII в. [9]. В ходе раскопок И. М. Чернявского на городище-детинце Чечерска открыта бронзовая иконка-змеевик (хранится в фондах Чечерского историко-этнографического музея). С одной ее стороны – изображение Богородицы, на оборотной – клубок змей.

Еще одним свидетельством распространения православия на белорусских землях являются находки предметов церковной утвари. В Збарове под Рогачевом обнаружены обломки литургического блюда, в Гомеле – части хоросов, обломки колоколов, ритуальный сосуд-водолей, литургическая чашечка.

О распространении христианства свидетельствуют и обнаруженные археологами памятники сфрагистики. Владельцами печатей могли быть как представители княжеской семьи, так и епископы. Памятники сфрагистики указывают на связь светской и клерикальной власти в государстве.

Древнейшие дошедшие до нас образцы письменности – надписи на вислых печатях. Печать (булла) – знак удостоверения документа, придания ему юридической силы. Вислые печати обычно оттискивались на свинцовых пластинках, привешивались к документам на шнурке.

Одним из ярких проявлений распространения христианства в Туровской земле является укрепление церковной организации на этой территории. Известно несколько епископов XII в.: Кирилл, Симеон, Игнатий, Кирилл II Туровский и др.

При раскопках 1992 г. была найдена свинцовая вислая печать. Она принадлежит митрополиту киевскому Кириллу II, занимавшему данную должность в 1225–1232 годах [10]. Печать была обнаружена при раскопках храма на Замковой Горе.

В Рогачеве были обнаружены 2 свинцовые печати. Одна из печатей изучена и опубликована В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым. На лицевой стороне – изображение Св. Константина с крестом, на оборотной – архангела [10].

В 1990 г. белорусский археолог-краевед Н. В. Бычков обнаружил первую гомельскую буллу. Найденная им печать имеет диаметр 23 мм. На одной стороне она несет изображение святого-воина (поврежденное трещиной от канала под шнур), держащего в правой руке копьё, а в левой – щит.

Таким образом, были изучены некоторые археологические материалы, свидетельствующие о распространении христианства на Полесье. Можно сделать вывод, что большинство обнаруженных археологами предметов датируется XI–XII вв. Первые каменные соборы возникли в регионе в середине XI в., а к концу XII в. памятники церковной архитектуры были построены во многих городах Полесья.

Первые памятники сфрагистики, содержащие христианскую символику, датируются концом X в., т. е. возникли практически сразу после крещения Руси князем Владимиром. Большинство крестиков и иконок датируется XII–XIII вв.

Проанализировав полученные материалы, можно сделать вывод, что, согласно археологическим данным, христианство начало проникать на земли Полесья сразу после его принятия на Руси в X в. А уже в XI–XII вв. жители этого региона не только знали, но и исповедовали новую религию.

Литература

- 1 Раппопорт, П. А. Зодчество Древней Руси / П. А. Раппопорт. – СПб. : Наука, 1986. – 106 с.
- 2 Каргер, М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове / М. К. Каргер // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1965. – № 100. – С. 136–138.
- 3 Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск : Белорусская наука, 2001. – 268 с.
- 4 Очерки по археологии Белоруссии: в 2 ч. / под ред. Г. В. Штыхова, Л. Д. Побояля. – Минск: Наука и техника, 1972. – Ч. 2. – 248 с.
- 5 Археалогія Беларусі: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2009–2011. – Т. 2 / Т. У. Бялова [і інш.]. – 2011. – 464 с.
- 6 Макушников, О. А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк / О. А. Макушников. – Гомель: РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. – 244 с.
- 7 Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 135 с.
- 8 Загорульский, Э. М. Вишинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 2004. – 95–96 с.
- 9 Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма / Г. В. Штыхов. – Минск : Польша, 1971. – Вып. 2. – 276 с.
- 10 Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Печати X – начала XIII вв. / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1970. – Т. 1. – 327 с.

УДК 159.923:364.624.6:796.07:796.092.29

Е. В. Бугаева

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХА И ТРЕВОЖНОСТИ СПОРТСМЕНАМИ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

Статья посвящена проблеме переживания страха и тревожности спортсменами различных видов спорта. Автором уточняется сущность понятия спортивный страх, выделяются основные причины переживания страхов спортсменами. Кроме этого проводится классификация страхов спортсменов. В статье рассматривается взаимосвязь тревожности и переживания страха спортсменами и результативности их спортивной деятельности, и описываются основные результаты эмпирического исследования по данной проблеме.

Современный спорт высших достижений немислим без жестокой соревновательной борьбы. Соревнования требуют от спортсмена мобилизации всех сил – и физических, и психических, причем, психических, прежде всего, так как участие в соревнованиях всегда не просто личное дело спортсмена, а дело высокой общественной значимости. Переживание страха и тревоги естественно для человека. Страх индивидуален и отражает личностные особенности каждого человека. Чувство страх, по всей вероятности, есть самое мучительное из всех психических состояний, отражающее внутреннее беспокойство, подавленное, а иногда и просто паническое состояние [1, с. 283].

Страх непосредственно взаимосвязан со стрессом и с тревогой. Спортивный страх – это эмоциональное состояние спортсмена, сопровождающееся ожиданием какой-либо гро-